

В. А. Павлов

ОХРАНЯЕМЫЙ БОГОМ...

Тайна неуязвимой
подводной лодки
Второй мировой войны

В.А. Павлов

**Охраняемый Богом. Тайна
неуязвимой подводной лодки
Второй мировой войны**

<https://litres.ru/73526997>

SelfPub; 2026

Аннотация

Во время Второй мировой войны в холодных водах северных морей ходила подводная лодка, о которой не сохранилось ни одного официального документа. Её не фиксировали радары, её не могли уверенно обнаружить гидрофоны, а вражеские корабли лишь иногда слышали странный звук в глубине, который исчезал так же внезапно, как появлялся.

Моряки разных флотов говорили о ней шёпотом. Одни считали её призраком войны, другие — секретным оружием. Но те, кто хоть раз сталкивался с этой лодкой, повторяли одно и то же: она словно была охраняема Богом.

Роман В. А. Павлова «Охраняемый Богом Тайна неуязвимой подводной лодки Второй мировой войны» — это захватывающая военно-морская история о загадочной субмарине, которая проходит сквозь конвои, уходит от преследования и появляется там, где её никто не ждёт.

Это история о мужестве подводников, тайне моря и силе, которую невозможно объяснить ни радарами, ни приборами.

Легенда ли это или правда, которую море хранит до сих пор?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	52
Глава 7	65
Г	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

В.А. Павлов

Охраняемый Богом.

Тайна неуязвимой

подводной лодки

Второй мировой войны

Глава 1

От автора

Эта книга является художественным произведением. Все события, персонажи, корабли и обстоятельства описаны в рамках авторского замысла и литературного вымысла. Некоторые исторические реалии Второй мировой войны используются лишь как фон повествования. Совпадения с реальными людьми, кораблями или событиями случайны.

История, рассказанная здесь, родилась из старых морских легенд — тех, что моряки передают шёпотом, словно опасаясь, что громкий голос может спугнуть саму тайну.

Говорят, у каждого корабля есть душа.

Иногда — судьба.

А иногда... свой хранитель.

Пролог

О море говорят разное.

Что оно помнит всё.

Что оно ничего не забывает.

Что каждое судно, которое когда-либо шло под водой или по поверхности, оставляет в нём след — невидимый, как дыхание в холодном воздухе.

Но иногда в морских архивах возникают странные пустоты.

Листы отчётов аккуратно заполнены.

Командиры докладывают о погоде, курсах, встречах с противником, о торпедных атаках и потерях. Всё учтено. Всё записано.

И всё же — не всё.

Иногда в донесениях появляется странная строка:

«Контакт не подтверждён.»

Или:

«Обнаружена подводная цель. Исчезла.»

Или совсем коротко:

«Цель ушла. Невозможно определить.»

Таких записей военных лет оказалось слишком много.

Они приходили из разных флотов.

Из Балтики.

Из Северного моря.

Из Норвежских фьордов.

Радары фиксировали движение.

Гидрофоны ловили звук винтов.

Сигнальщики видели тёмную тень на воде.

Но всякий раз, когда начиналась охота, цель исчезала.

Словно растворялась в глубине.

Ни один флот не мог её поймать.

Ни один архив — объяснить.

После войны некоторые офицеры вспоминали об этом неохотно.

Один британский капитан написал в мемуарах:

«Иногда казалось, что под водой движется не субмарина, а что-то иное. Мы слышали её... но ни разу не увидели..»

Советские архивы молчали.

Ни одна официальная подводная лодка с подобными характеристиками в списках не числилась.

Не было ни проекта.

Ни номера.

Ни командира.

Но в редких воспоминаниях моряков Северного флота иногда всплывало странное выражение.

Они говорили тихо.

Почти шёпотом.

— Та лодка... она Богом охраняемая.

Кто-то клялся, что видел её силуэт на рассвете.

Кто-то слышал её винты в густом тумане.

Но стоило повернуть бинокль — и море становилось пустым.

И всё же есть одна история.

История, которую никогда не внесли в официальные журналы.

История подводной лодки, у которой, как говорили моряки, был свой ангел-хранитель.

И которая до самого конца войны осталась неуязвимой.

Тень под конвоем

Северное море в октябре сорок второго года не казалось частью земного мира. Оно было чужим, тяжёлым, лишённым

человеческой меры. Небо висело низко, как железная крышка, волны шли длинными свинцовыми валами, и ветер срывал с них белую пену.

Британский конвой шёл на восток.

Транспорты, гружённые металлом, мукой, ящиками со снарядами, моторным маслом, медикаментами и ещё тысячей вещей, без которых война застывает на месте, двигались медленно и угрюмо. Вокруг них держались корабли охранения — эсминцы, корветы, тральщики, — насторожённые, как собаки в темноте. Люди на мостиках почти не разговаривали: слова здесь были коротки и всегда казались лишними. Каждый и без них знал, что где-то под этими водами идёт иная война — без вспышек, без победных криков, без лиц. Война слуха, терпения и тени.

Эсминец HMS Onslow держался на правом фланге конвоя. Его нос тяжело входил в волну, и всякий раз, когда корпус, вздрогнув, выныривал снова, палуба на миг белела от бегущей воды. В рубке пахло мокрой шерстью, маслом, табаком и электричеством.

Капитан-лейтенант Роберт Милтон стоял у обзорного стекла, сжав руки за спиной. Это был человек сухого склада, с лицом, которое словно давно отучили от лишних движений. Он принадлежал к тем офицерам, чья тревога никогда не поднимается на поверхность: она только делает взгляд внимательнее.

— Гидрофон? — спросил он, не оборачиваясь.

Оператор, молодой мичман с воспалёнными от недосыпа глазами, поднял голову от прибора.

— Пока чисто, сэр.

Милтон едва заметно кивнул.

Слово «чисто» в этих широтах не означало безопасности. Оно лишь значило, что опасность ещё не назвала себя.

Конвой продолжал идти прежним ходом. Сквозь серую крупу дождя смутно проступали силуэты транспортов — высокие, глухие, похожие на дома, сорванные с фундамента и отправленные в море. Над одним из них болтался обрывок дыма; где-то на корме другого матросы стягивали обледеневший брезент. Всё казалось привычным, пока не изменилось сразу.

Гидрофонист внезапно выпрямился.

Не резко, не испуганно — так выпрямляются люди, когда слышат нечто такое, чему не находят названия.

— Сэр... — сказал он.

Милтон повернулся.

— Контакт?

— Возможно. Есть звук.

В рубке мгновенно сделалось тише, хотя никто и до того не шумел.

— Дистанция?

Оператор помедлил.

— Не могу точно определить.

— Пеленг?

— Двести десять... нет... уже южнее. Сигнал смещается.
Милтон подошёл ближе. Наушники, регуляторы, шкалы
— вся эта техника обычно не лгала, даже когда ошибалась.
Но лицо мичмана ему не понравилось.

— Что за звук?

Тот медленно покачал головой.

— Похож на винты. Но очень тихий. Слишком тихий.
Идёт ровно... и будто сквозь толщу ваты. Как если бы источник
был рядом и одновременно далеко.

Старший помощник поднял глаза.

— Немецкая?

Никто не ответил.

Немецкие подлодки в этих водах были не редкостью. Иногда они неделями караулили конвои, выбирая момент, чтобы ударить ночью, в снегу, в разрыве между кораблями охранения. Но сейчас в этом контакте было что-то неправильное. Подлодка, готовящая атаку, не должна идти так.

— Продолжайте наблюдение, — сказал Милтон.

Мичман снова вжал наушники плотнее.

Минуту никто не произносил ни слова. Только дребезжало стекло в раме, да под ногами тяжело отрабатывала машина.

Потом оператор произнёс, уже тише:

— Она меняет положение.

— Куда?

— Под конвой.

Старший помощник сделал шаг к капитану.

— Если это немецкая лодка, она идёт в центр конвоя.

— Я слышал, — отрезал Милтон.

Он поднял бинокль, но море снаружи было слепо. Никакой вспышки перископа, никакой неправильной линии на воде, ничего. Только волны, ветер и низкие облака, налитые холодным свинцом.

— Передайте по строю: — Неопознанная подводная цель. Без паники. Усилить наблюдение.

Связист кивнул и потянулся к аппарату.

— Глубинные бомбы готовить? — спросил старпом.

Милтон посмотрел на него коротко.

— Пока нет.

— Сэр, если это немец —

— Пока, — повторил Милтон. — Мы не знаем, кто это.

И в этот самый миг гидрофонист побледнел.

— Боже... сэр...

— Докладывайте.

— Она под нами.

В рубке словно что-то стянуло воздух.

— Повторите.

— Прямо под килем, сэр. Сейчас. Он идёт под эсминцем.

Старпом невольно оглянулся вниз, как будто хотел увидеть сквозь металл и воду невидимый корпус.

— Скорость? — быстро спросил Милтон.

— Почти... почти нулевая.

— Этого не может быть.

— Но это так, сэр. Он не рвётся, не маневрирует. Он буд-то... скользит.

Милтон шагнул к прибору.

— Пеленг?

— Распадается.

— Глубина?

— Не могу снять.

Мичман крутил регулятор, вслушивался до боли, до звона в висках. Потом вдруг застыл.

— Потерял цель.

— Куда ушёл?

Оператор медленно поднял голову. В его глазах было не столько смятение, сколько упрямое нежелание верить себе.

— Никуда, сэр.

— Что это значит?

— Она не ушла ни вправо, ни влево, ни на глубину. Просто... исчезла.

Никто не сказал ни слова.

Море за стеклом выглядело так же, как минуту назад.

Конвой по-прежнему держал строй.

Ни одно транспортное судно не было повреждено. Торпедного следа на воде не было. Но все в рубке уже знали: рядом прошло нечто, чему они не могли дать объяснения.

Милтон долго смотрел на море. Потом произнёс спокойно-но, даже слишком спокойно:

— В журнал.

Связист взял карандаш.

— Формулировка, сэр?

Капитан помолчал, словно не хотел отдавать этим словам право на существование.

— Неопознанная подводная цель. Цель потеряна.

Он снова перевёл взгляд на море. А глубоко под водой, в том чёрном и ледяном мире, где звук живёт дольше света, шла лодка.

Не числившаяся ни в одном списке.

Без бортового номера на рубке.

Без обозначений, по которым моряк узнаёт своего.

Её корпус был тёмным, матовым и почти сливался с водой. Красноватый свет в отсеках делал лица людей строже и старше, будто каждый из них давно переступил ту черту, за которой кончается обычная служба и начинается что-то другое — тихое, суровое и почти неизбежное.

В центральном посту стоял командир.

Он только что опустил рукояти перископа. На поверхности, сквозь дрожащий круг воды и света, он видел строй конвоя. Видел британские флаги, короткие вспышки сигнальных фонарей, тёмные рубки кораблей охранения. Видел союзников.

И потому молчал.

Штурман ждал приказа, не поднимая глаз. Радист сидел, застыв над аппаратурой, словно боялся пошевелиться и тем разрушить ту тонкую тишину, в которой лодка существовала. Даже механик двигался так осторожно, будто рядом спал ребёнок, которого нельзя разбудить.

Командир положил ладонь на край штурманского стола.

— Конвой союзный, — сказал он негромко.

Никто не удивился. На лодке давно привыкли: командир узнаёт это раньше приборов.

— Союзники. Идём дальше. Без сигнала. Без всплытия. Нас здесь не было.

— Есть, — ответил штурман.

Лодка чуть изменила курс.

Изменение было таким небольшим, что стрелка едва заметно дрогнула. Но старый боцман, стоявший у переборки, заметил это и снова — уже не в первый раз — украдкой перекрестился, чтобы никто не увидел. Он слишком долго служил на море, чтобы смеяться над приметами, и слишком близко видел смерть, чтобы считать невидимое пустыми словами.

С этой лодкой с самого начала было что-то не по-человечески тихое.

Она проходила там, где другие гибли.

Она возникала в районах, откуда, по расчётам штабов, выйти было нельзя.

Её не ловили прожекторы. Её не держали гидрофоны. Да-

же шторм, казалось, не имел над ней полной власти. А однажды боцман собственными глазами видел, как торпеда, которая должна была ударить прямо в борт, вдруг ушла в сторону — словно в последний миг чья-то невидимая рука отвела её. Никто об этом вслух не говорил.

На флоте за такие разговоры не хвалят.

Но среди команды уже давно жила полушёпотом одна и та же мысль: у лодки есть хранитель.

Не у командира. Не у экипажа.

У самой лодки.

Командир смотрел вперёд — сквозь металл и толщу воды, в тот невидимый коридор, который открывался перед лодкой всякий раз, когда гибель, казалось, уже стояла у люка.

— Глубину держать, — сказал он.

— Есть глубину держать.

— Ход прежний.

— Есть ход прежний.

Лодка шла дальше.

Наверху, на британском эсминце, ещё несколько минут напряжённо вслушивались в море. Ждали атаки или хотя бы нового звука в серой воде. Но под ними уже не было ничего, кроме холода и бездны. Неопознанная подводная лодка ушла — словно растворилась в глубине моря.

А под водой старый боцман опять едва слышно шепнул, не зная, к кому обращается — к Богу, к морю или к той безымянной силе, что вела их сквозь войну:

— Веди... раз уж взялся.

И лодка, не оставляя следа, ушла в северную глубину, туда, где даже страх звучит приглушённо.

Глава 2

Лодка без номера

Под водой было тихо.

Не как обычно, когда слышен только тихий шум моторов и лёгкий шорох воды вдоль корпуса. Сейчас море будто затаило дыхание, пропуская лодку через свою тёмную глубину.

Лодка медленно уходила на север.

Стрелка глубиномера держалась ровно. В центральном посту стоял тот особый полумрак, который бывает только на подводных лодках: красный свет ламп, приглушённые приборы, лица людей, казавшиеся старше своих лет.

Командир всё ещё стоял у перископной шахты.

Он давно опустил перископ, но какое-то время не отходил от места, словно прислушивался к чему-то, что не улавливали ни гидрофоны, ни приборы.

Штурман тихо спросил:

— Курс оставляем прежний?

Командир кивнул.

— Прежний.

Штурман сделал отметку в журнале.

Карандаш на мгновение остановился. Он посмотрел на лист, где обычно стоял номер лодки, и снова, как и всегда, оставил это место пустым.

Так было заведено с самого начала.

Ни в одном журнале не писали номера этой лодки.

В официальных документах её тоже не существовало.

И всё же она шла.

Шла уже больше года.

Старый боцман всё ещё стоял у переборки. Его руки лежали на поручне, а глаза внимательно следили за приборами, хотя он и без них чувствовал каждое движение лодки.

Он тихо сказал механику:

— Слышал?

— Что?

— Ничего.

Механик усмехнулся.

— Ничего — это хорошо.

Боцман покачал головой.

— Иногда — не очень.

Механик не стал спрашивать. На лодке давно знали: если боцман начинает говорить загадками, лучше просто помолчать.

Радист поднял голову от аппаратуры.

— Эфир чистый.

Командир наконец отошёл от перископа.

— Передач не принимаем?

— Нет, товарищ командир.

— И не будем, — сказал он спокойно.

Никто не удивился.

Эта лодка почти никогда не выходила в радиоэфир.

Иногда радист принимал сообщения — короткие, редкие, чаще всего общие сводки флота. Но отвечать на них командир запрещал.

Словно лодка существовала сама по себе.

Штурман перевернул страницу журнала.

— Глубина сто метров.

Командир посмотрел на прибор.

Стрелка держалась уверенно.

Он тихо сказал:

— Хорошая глубина.

Механик кивнул.

— Машины работают ровно, товарищ командир.

Лодка скользила в темноте.

Снаружи вода была холодной и тяжёлой. В этих широтах она почти всегда такой и оставалась — даже летом.

Старый боцман вдруг негромко сказал:

— Странно.

Командир повернулся.

— Что?

Боцман кивнул на глубиномер.

— Стрелка.

Командир подошёл ближе.

Стрелка стояла спокойно.

— Что с ней?

— Сейчас ничего.

— А раньше?

Боцман пожал плечами.

— Показалось.

Командир ещё секунду смотрел на прибор, потом вернулся к столу.

Штурман тихо спросил:

— Идём в тот район?

Командир не сразу ответил.

Он развернул карту.

На ней были отмечены маршруты конвоев, минные поля, предполагаемые районы немецких подлодок.

Но иногда эта лодка шла туда, где на карте не было ничего.

Сегодня курс тоже выглядел странным.

Он проходил через пустую воду.

— Идём, — сказал командир.

— Там нет конвоев.

— Значит, будут.

Штурман не стал спорить.

За долгие месяцы службы он заметил одну вещь: командир редко объяснял свои решения, но почти всегда оказывался прав.

Иногда казалось, что он знает море лучше любых карт.

Иногда — что море знает его.

Радист снова прислушался к эфиру.

— Слабый сигнал.

Командир поднял голову.

— Откуда?

— Северо-запад.

Радист повернул ручку настройки.

В наушниках зашуршало.

Потом сквозь помехи прорвался голос.

Английский.

Слова были обрывочными, но смысл угадывался.

Радист перевёл:

— Конвой... курс... лёд впереди... изменение маршрута.

Штурман поднял взгляд.

— Британцы.

Командир кивнул.

— Арктический конвой.

Радист продолжал слушать.

— Похоже, они идут севернее обычного.

Штурман посмотрел на карту.

И вдруг замер.

— Товарищ командир...

— Что?

— Если они изменили курс...

Он провёл пальцем по карте.

— ...они выйдут прямо сюда.

Командир взглянул на отметку.

Это был тот самый район, куда лодка направлялась уже несколько часов.

Штурман тихо сказал:

— Но мы же не знали...

Командир спокойно ответил:

— Теперь знаем.

Старый боцман усмехнулся едва заметно.

— Я говорил.

Механик нахмурился.

— Что говорил?

— Иногда тишина — это не просто тишина.

Механик хотел спросить, что он имеет в виду, но в этот момент гидрофонист поднял голову.

— Есть шум.

Командир мгновенно повернулся.

— Пеленг?

— Далеко.

— Что за шум?

Гидрофонист вслушался.

— Лёд.

Все переглянулись.

— Лёд? — переспросил штурман.

— Похоже на дрейфующие поля.

Командир посмотрел на карту.

В этих широтах такое случалось.

Лёд мог появиться внезапно.

А конвои его боялись не меньше, чем торпед.

Потому что лёд ломал строй.

А когда конвой ломает строй — начинается охота.

Командир тихо сказал:

— Продолжаем курс.

Штурман записал новую отметку.

Лодка шла дальше.

Старый боцман снова посмотрел на глубиномер.

Стрелка чуть дрогнула.

Совсем немного.

Он прищурился.

Может быть, показалось.

А может — нет.

Он тихо перекрестился.

Механик заметил это и вздохнул.

— Опять?

Боцман ответил спокойно:

— На всякий случай.

— Думаешь, помогает?

Старик посмотрел на тёмный потолок отсека.

— Пока что — да.

Командир стоял у карты.

Он смотрел на тонкую линию курса.

Впереди была пустая вода.

И всё же он чувствовал то же самое, что чувствовал уже не раз.

Будто где-то впереди открывается путь.

Невидимый.

Узкий.

Тот самый коридор, который появляется только тогда, когда смерть уже рядом.

Он тихо сказал:

— Ход прежний.

Машины ответили мягким гулом.

Лодка продолжала идти.

Без номера.

Без приказов.

И почти без следа.

А далеко впереди, среди серого льда и холодного ветра, медленно шёл конвой, который ещё не знал, что в глубине уже появилась тень.

Тень лодки, которую никто не мог поймать.

И о которой позже моряки скажут только одно:

— Её словно кто-то ведёт.

Глава 3

Между льдом и огнём

Чем дальше лодка шла на север, тем ощутимее менялось море.

Сначала — почти незаметно. Вода становилась тяжелее, темнее. Потом изменился звук: даже внутри корпуса шум двигателей стал мягче, будто гас в глубине и не возвращался обратно.

Гидрофонист, не отрываясь от наушников, тихо сказал:
— Лёд рядом.

Командир стоял у карты.

— Понял.

Он не смотрел на приборы. И этого было достаточно.

Штурман провёл пальцем по линии курса.

— Район близко.

Командир кивнул.

Лодка шла туда, где впереди должна была появиться цель.

Старый боцман стоял у переборки и следил за глубинόμε-ром. Стрелка держалась ровно. Он смотрел на неё дольше, чем требовалось.

— Есть шум, — сказал гидрофонист.

В центральном посту сразу стало тише.

— Далеко? — спросил командир.

— Пока да. Много винтов.

— Пеленг.

— Северо-запад. Идут на восток.

Штурман отметил на карте.

— Конвой.

Командир подошёл ближе, посмотрел на отметку.

— Да.

Боцман тихо сказал:

— Догнали.

Лодка шла дальше.

Снаружи лёд уже чувствовался. Иногда по корпусу проходил глухой скрежет — медленный, тяжёлый, будто лёд нащупывал металл.

Механик поднял голову:

— Давление немного растёт.

— Держим, — ответил командир.

Гидрофонист вдруг напрягся.

— Ещё шум.

— Где?

— Южнее. Быстро идут.

Он повернул регулятор.

— Не конвой.

Командир посмотрел на него.

— Уверен?

— Да. Несколько целей. Скорость выше.

Штурман уже чертил вторую линию.

Она пересекала первую.

Он поднял глаза:

— Перехват.

Радист тихо сказал:

— Немцы.

Командир подошёл к перископу.

— Подготовить.

Лодка плавно пошла вверх.

Старый боцман снова взглянул на глубиномер.

Стрелка чуть дрогнула.

Он незаметно перекрестился.

Перископ вышел.

Командир посмотрел.

Сначала — серость.

Потом — корабли.

Конвой шёл тяжело. Лёд ломал строй. Суда расходились, искали проходы. Эсминцы держались по краям, но им приходилось работать осторожно.

— Британцы, — сказал командир.

Он повёл перископ дальше.

И остановился.

— Есть немцы.

В центральном посту сразу стало напряжённо.

— Где? — спросил штурман.

— На подходе. Несколько.

Гидрофонист подтвердил:

— Да. Быстро идут.

Штурман посмотрел на карту.

— Режут строй.

— Да.

Радист сказал:

— Конвой их не видит.

Командир опустил перископ.

— Пока нет.

Пауза.

— Можем предупредить, — тихо сказал радист.

— Нет, — ответил командир.

Тишина.

— Курс? — спросил штурман.

Командир посмотрел на карту.

— Между ними.

Штурман нахмурился.

— Между конвоем и немцами?

— Да.

— Рискованно.

— Знаю.

Механик сказал:

— Могут услышать.

Командир спокойно ответил:

— Не услышат.

Лодка изменила курс.

Гидрофонист слушал, не двигаясь.

— Сближаются... оба.

Сверху донёсся первый глухой взрыв.

Потом второй.

Бой начался.

— Строй ломают, — сказал штурман.

— Поздно заметили, — ответил командир.

Гидрофонист резко сказал:

— Подводная цель! Идёт вперёд!

— Куда?

— В разрыв. На транспорты.

Радист тихо выдохнул:

— Сейчас ударит...

Командир уже был у перископа.

Он смотрел.

Секунда.

Ещё.

— Первый аппарат — к пуску.

— Есть первый к пуску.

В лодке стало тихо.

— Идёт... — сказал гидрофонист.

— Угол есть, — быстро сказал штурман.

Командир выждал.

— Пуск.

Лодка коротко вздрогнула.

Все замерли.

— Идёт... — тихо сказал гидрофонист.

Пауза.

Удар.

Глухой, тяжёлый.

— Есть попадание!

Сверху бой продолжался.

— Второй — к пуску, — сказал командир.

Гидрофонист снова напрягся.

— Надводная цель. Быстро идёт.

Командир поднял перископ.

— Вижу.

Пауза.

— Берём.

— Есть данные, — сказал штурман.

Командир коротко:

— Пуск.

Вторая торпеда ушла.

Взрыв пришёл почти сразу.

Даже корпус отозвался.

— Есть! — сказал гидрофонист. — Попали!

Сверху вспыхнул огонь.

Немцы начали отходить.

Но вдруг —

— Торпеда! — резко сказал гидрофонист.

— Где?!

— Справа! Идёт на транспорт!

Штурман быстро:

— Не успеем!

И в этот момент лодку мягко повело в сторону.

Не резко.

Но ощутимо.

Штурман вскинул голову:

— Мы курс не меняли...

Механик посмотрел на приборы:

— Рули не трогал.

Стрелка глубиномера дрогнула и вернулась.

Гидрофонист замер.

Потом тихо сказал:

— Торпеда... прошла.

— Где? — спросил радист.

— Там, где мы были.

Тишина.

Командир спокойно сказал:

— Курс держать.

Старый боцман перекрестился.

— Спасибо...

Сверху бой стихал.

Конвой выравнивался.

Командир снова посмотрел в перископ.

Суда шли.

Живые.

Он опустил перископ.

— Уходим глубже.

— Есть.

— Курс северо-восток.

Штурман спросил:

— За ними не идём?

— Нет.

— За немцами?

Командир покачал головой.

— Нет.

Пауза.

— Мы своё сделали.

Лодка медленно ушла в глубину.

Шум боя остался наверху.

Внутри снова стало спокойно.

Штурман заполнял журнал.

И снова оставил пустым место, где должен быть номер лодки.

Радист слушал эфир.

Но там было только чужое.

Боцман смотрел на глубиномер.

Стрелка стояла ровно.

Он тихо сказал:

— Провёл...

Командир не обернулся.

— Ход прежний.

— Есть.

Лодка шла дальше.

Без имени.

Без приказа.

И наверху никто так и не понял, почему в этот день конвой уцелел.

Глава 4

Те, кто не должен знать

Лодка ушла на глубину.

Сначала — медленно, потом увереннее, пока шум боя окончательно не остался где-то далеко наверху. Там, над ними, ещё продолжалась жизнь: горели корабли, кричали люди. Но здесь, внизу, всё снова стало другим.

Тише.

Глубже.

Спокойнее.

Командир стоял в центральном посту и смотрел на приборы. Он не спешил. Он никогда не спешил после боя.

— Глубина сто двадцать, — сказал штурман.

— Держим.

— Машины работают ровно.

Командир кивнул.

Несколько минут никто не говорил. Только тихо шуршала вода за бортом и едва слышно работали механизмы.

Старый боцман стоял у глубиномера.

Стрелка была спокойна.

Слишком спокойна.

Он посмотрел на командира, потом снова на прибор.

И наконец сказал:

— Разрешите, товарищ командир?

Командир чуть повернул голову.

— Говори.

Боцман помедлил.

На лодке не задавали лишних вопросов. Особенно таких.

Но сейчас он всё же решился.

— Это ведь не первый раз.

В центральном посту стало тише.

Механик поднял глаза.

Радист перестал крутить ручку настройки.

Командир посмотрел на боцмана.

— Что именно?

Боцман кивнул на глубиномер.

— Вот это.

Пауза.

— Когда... лодку ведёт.

Слова повисли в воздухе.

Никто не усмехнулся.

Никто не перебил.

Командир несколько секунд молчал.

Потом спокойно спросил:

— Ты давно это замечаешь?

— С начала похода, — ответил боцман. — Сначала думал

— совпадение. Потом... перестал.

— И что ты думаешь?

Боцман пожал плечами.

— Думаю, что мы здесь не одни.

Механик тихо хмыкнул.

— Мы и так не одни. Тут экипаж.

Боцман даже не посмотрел на него.

— Я не про это.

Тишина.

Командир медленно провёл рукой по столу.

— На лодке работает техника. Есть люди. Есть расчёты.

Он сделал паузу.

— И есть море.

Боцман кивнул.

— Есть.

Командир посмотрел на него прямо.

— Иногда этого достаточно.

Боцман не стал спорить.

Но и не согласился.

Радист вдруг сказал:

— Есть сигнал.

Все повернулись к нему.

— Слабый. Английский.

Командир кивнул:

— Принимай.

Радист чуть подкрутил настройку.

Голос был обрывочный, с помехами, но различимый.

— ...attack repelled...

— ...one vessel damaged...

— ...unknown explosion...

Радист перевёл:

— Отбили атаку... один корабль повреждён... говорят о каком-то взрыве... не понимают, откуда.

Механик усмехнулся:

— Понимают. Просто не верят.

Командир ничего не сказал.

Радист продолжил слушать.

— Они считают, что это их глубинные бомбы.

Штурман тихо сказал:

— Пусть считают.

Командир кивнул.

— Пусть.

Лодка шла дальше.

Курс держали северо-восточный.

Ни за конвоем.

Ни за немцами.

Просто дальше.

Старый боцман всё ещё стоял у глубиномера.

Он снова посмотрел на стрелку.

Потом — на переборку.

Потом тихо сказал:

— А если однажды... не поведёт?

Никто не ответил.

Но этот вопрос остался.

Командир подошёл к карте.

Долго смотрел на неё.

Линии, точки, расчёты — всё было правильно.

И всё это почти никогда не совпадало с тем, как лодка на самом деле шла.

Он провёл пальцем по пустому участку.

— Здесь.

Штурман подошёл ближе.

— Там ничего нет.

— Есть, — сказал командир.

— Что?

Командир не ответил.

Через несколько минут гидрофонист снова поднял голову.

— Тишина.

— В смысле? — спросил механик.

— Вообще тишина.

Он снял один наушник.

— Ни винтов. Ни льда. Ни воды.

Все посмотрели на него.

— Так не бывает, — сказал штурман.

— Знаю.

Гидрофонист снова надел наушники.

И тихо добавил:

— Но сейчас так.

В центральном посту стало не по себе.

Даже старый боцман перестал смотреть на приборы.

Командир подошёл ближе.

— Дай послушать.

Он надел наушники.

И замер.

Ничего.

Не просто тишина.

Пустота.

Словно вокруг лодки не было ни моря, ни глубины — ничего.

Он медленно снял наушники.

— Уходим.

— Куда? — спросил штурман.

— В сторону.

— От чего?

Командир посмотрел вперёд.

— Не знаю.

Но этого оказалось достаточно.

Лодка плавно изменила курс.
И почти сразу гидрофонист вздрогнул.
— Есть звук!
— Какой?
— Вода... лёд... всё вернулось.
Боцман перекрестился.
— Я же говорил.

Командир стоял у стола.
Он не выглядел удивлённым.
Но его рука лежала на карте чуть дольше, чем обычно.
— Курс держим, — сказал он.
— Есть курс.
Лодка шла дальше.
Но теперь даже те, кто молчал раньше, понимали:
дело не только в войне.
И не только в море.

Старый боцман тихо прошептал:
— Веди...

И в этот раз он даже не пытался понять, кому именно это говорит.

Глава 5

Место, которого нет

Лодка шла уже несколько часов.

После странной тишины, которая на короткое время словно вычеркнула море вокруг, экипаж стал двигаться тише обычного. Никто не обсуждал это вслух, но каждый запомнил момент, когда **не было ничего**— ни воды, ни звука, ни самой глубины.

Гидрофонист снова и снова проверял сектор.

— Чисто, — сказал он наконец. — Совсем чисто.

Командир стоял у карты.

— Это нормально?

Гидрофонист помедлил.

— Для моря — нет.

Пауза.

— Для нас... — он не договорил.

Командир кивнул.

Он уже отметил точку.

На карте там действительно ничего не было. Ни маршрутов, ни глубинных отметок, ни минных полей. Просто пустое место.

— Курс держим, — сказал он.

— Есть, — ответил штурман.

Старый боцман подошёл ближе к карте.

— Мы туда идём?

— Да.

— Там же ничего.

Командир посмотрел на него.

— Посмотрим.

Боцман кивнул.

Но взгляд у него стал тяжёлым.

Через некоторое время гидрофонист снова поднял голову.

— Есть шум.

Все сразу оживились.

— Где?

— Впереди.

— Характер?

— Слабый... но странный.

— В каком смысле?

Гидрофонист нахмурился.

— Не винты.

— Тогда что?

Он помолчал.

— Как будто... эхо.

Штурман усмехнулся:

— Эхо чего?

— Не знаю.

Командир сказал:

— Дай послушать.

Он надел наушники.

Несколько секунд слушал.

И вдруг слегка изменился в лице.

Снял наушники.

— Идём осторожно.

— Есть.

Лодка замедлила ход.

Вода за бортом снова стала другой.

Не холоднее.

Не тяжелее.

Просто — другой.

Это трудно было объяснить, но каждый на лодке это чувствовал.

Словно они вошли в место, которое **не принадлежит** обычному морю.

— Глубина? — спросил командир.

— Сто сорок.

— Держим.

Механик добавил:

— Машины работают нормально.

Но сказал это тише, чем обычно.

Гидрофонист вдруг резко выпрямился.

— Есть!

— Что?

— Теперь точно есть.

— Говори.

— Впереди... металл.

Все замолчали.

— Какой металл? — спросил штурман.

— Большой.

— Корабль?

— Не знаю.

— Подлодка?

— Нет.

Гидрофонист покачал головой.

— Что-то больше.

Командир подошёл к перископу.

— Поднимаемся.

Лодка медленно пошла вверх.

Старый боцман смотрел на глубиномер.

Стрелка двигалась ровно.
Но он всё равно не отрывал от неё глаз.

Перископ вышел.
Командир посмотрел.
Сначала — ничего.
Потом — вода.
Потом...
Он замер.
— Что там? — спросил штурман.
Командир не ответил.
Он смотрел.
Долго.
Потом тихо сказал:
— Лёд.
— Мы и так во льду.
— Нет.
Пауза.
— Это не поле.
Он немного повернул перископ.
— Это... стенка.
В центральном посту стало тихо.
— Ледяная?
— Да.
— Большая?

Командир медленно выдохнул.

— Слишком большая.

Штурман подошёл ближе.

— Это айсберг?

— Нет.

— Почему?

— Он не дрейфует.

Пауза.

— И он не один.

Гидрофонист тихо сказал:

— Подтверждаю.

— Что?

— Там несколько объектов.

— Лёд?

— Да... но не совсем.

Командир опустил перископ.

— Сбавить ход.

— Есть.

Лодка медленно двигалась вперёд.

Словно подходила к чему-то, что не должно было суще-

СТВОВАТЬ.

Старый боцман вдруг сказал:

— Я такое видел.

Все повернулись к нему.

— Где?

— В сороковом.

— Где именно?

Боцман пожал плечами.

— Там же. Север.

— И что это было?

Он посмотрел на командира.

— Не знаю.

Пауза.

— Но тогда тоже приборы сначала молчали.

Гидрофонист снова сказал:

— Есть отражение.

— От чего?

— От них.

— От кого?

Он тихо ответил:

— Не знаю.

Командир снова посмотрел на карту.

Точка совпадала.

Точно.

Слишком точно.

Словно лодку вели именно сюда.

— Мы туда пойдём? — спросил штурман.

Командир немного подумал.

Потом сказал:

— Да.

— Зачем?

Командир посмотрел вперёд.

— Потому что мы уже здесь.

Лодка медленно вошла в этот район.

И в тот же момент гидрофонист вздрогнул.

— Опять...

— Что?

— Тишина.

— Та же?

— Да.

И снова пропало всё.

Шум воды.

Эхо.

Даже собственные звуки лодки стали глухими, будто их кто-то гасил.

Старый боцман перекрестился.

— Опять началось...

Командир стоял неподвижно.

Он не смотрел на приборы.

Он смотрел вперёд.

Сквозь металл.

Сквозь воду.

Туда, где должно было быть только море.

Но теперь было что-то ещё.

И впервые за всё время он тихо сказал:

— Вот оно.

— Что? — спросил штурман.

Командир не ответил.

Лодка шла дальше.

И никто на борту уже не сомневался:

они пришли туда, куда не должны были прийти.

Глава 6

Лёд, который слушает

Лодка шла медленно.

Не по приказу — по ощущению.

Ход сбавили до малого, винты крутились ровно, без напряжения. Вода за бортом почти не шумела, и от этого казалось, будто лодка не идёт, а висит в глубине.

Гидрофонист сидел, сжав наушники.

— Пусто, — сказал он.

— Совсем? — спросил механик.

— Совсем.

Он помолчал.

— Так не бывает.

Никто не ответил.

Командир стоял у перископа.

— Поднимаемся на перископную.

— Есть.

Лодка медленно пошла вверх.

Старый боцман следил за глубиномером. Стрелка шла ровно, но он всё равно держал её взглядом, будто ожидал, что она снова дрогнет.

— Перископ, — сказал командир.

Шахта мягко приняла механизм.

Командир прильнул к окулярам.

Сначала — обычная серость.

Потом — лёд.

Но не тот, к которому привыкли.

Не отдельные поля.

Не разрозненные льдины.

А что-то цельное.

Он медленно повёл перископ.

И замер.

— Что там? — спросил штурман.

Командир не сразу ответил.

— Стена.

— Ледяная?

— Да... но не такая.

Пауза.

— Слишком ровная.

Он ещё раз проверил сектор.

Лёд поднимался из воды почти вертикально. Не ломаный, не рваный, как бывает у айсбергов, а гладкий, будто его обтесали.

И уходил дальше.

Сколько хватало обзора.

— Это не поле, — сказал он тихо. — Это как... проход.

Штурман нахмурился:

— Во льду?

— Похоже на то.

Командир опустил перископ.

В центральном посту было тихо.

— Идём внутрь, — сказал он.

Штурман поднял глаза:

— В проход?

— Да.

— Глубина позволяет.

— Тогда идём.

Лодка медленно двинулась вперёд.

Снаружи снова исчез звук.

Не сразу.

Постепенно.

Сначала ушёл шорох воды.

Потом — глухие отклики от корпуса.

Даже собственный ход стал каким-то чужим.

Гидрофонист снял один наушник.

— Опять...

— Что? — спросил радист.

— Снова пусто.

Старый боцман тихо сказал:

— Это не море.

Механик покосился на него:

— А что тогда?

Боцман не ответил.

Лодка вошла в проход.

И в тот же момент гидрофонист вздрогнул.

— Есть звук!

— Какой? — резко спросил командир.

— Металл.

Все переглянулись.

— Где?

— Впереди... неподвижный.

— Корабль? — спросил штурман.

— Не идёт.

— Подлодка?

— Не похоже.

Гидрофонист помолчал.

— Большой.

Командир снова поднял перископ.

Смотрел долго.

Потом тихо сказал:

— Обломки.

— Чьи?

— Не наши.

Он повёл обзор.

— И не британцы.

Пауза.

— Немцы.

В ледяном коридоре, между высокими стенами, стояло то, что когда-то было кораблём.

Не целиком.

Часть корпуса.

Рубка.

Куски металла, зажатые льдом.

Будто море не утопило его — а оставило здесь.

Командир медленно выдохнул.

— Давно лежит.

— Сколько? — спросил штурман.

— Не знаю.

Гидрофонист вдруг сказал:

— Там ещё.

— Где?

— Дальше.

— Тоже металл.

Командир чуть изменил угол.

И увидел.

Ещё.

И ещё.

Не один корабль.

Несколько.

Разных.

Некоторые почти целые.

Некоторые разорванные.

Но все — застывшие.

Словно их не уничтожили.

Словно их **остановили**.

Старый боцман прошептал:

— Кладбище...

Механик тихо сказал:

— Они сюда сами пришли?

— Нет, — ответил боцман.

— Тогда как?

Боцман посмотрел вперёд.

— Их привели.

И в этот момент гидрофонист резко выпрямился.

— Есть движение!

— Где?!

— В проходе... дальше!

— Характер?!

— Винты! Быстрые!

Командир мгновенно:

— Немцы.

Штурман уже тянулся к карте, хотя понимал — карта здесь бесполезна.

— Они идут сюда?

— Да!

Гидрофонист почти крикнул:

— Прямо в проход!

Командир опустил перископ.

— Боевая готовность.

— Есть.

В центральном посту всё стало жёстким.

Чётким.

Живым.

— Первый аппарат — к пуску.

— Есть.

Гидрофонист слушал, почти не дыша.

— Они не снижают ход... идут прямо...

— Видят нас? — спросил механик.

— Нет!

— Почему?

— Не знаю!

Командир снова поднял перископ.

На входе в ледяной коридор появился силуэт.

Быстрый.

Немецкий миноносец.

Он шёл уверенно, почти нагло, как будто преследовал кого-то.

И не видел, куда входит.

— Он не понимает, — тихо сказал командир.

— Чего?

— Где оказался.

— Дистанция! — сказал штурман.

— Есть угол.

Командир не спешил.

Смотрел.

Ждал.

Миноносец вошёл глубже.
Лёд вокруг стал ближе.
Словно проход начал сжиматься.

И вдруг гидрофонист прошептал:

— Слышите?

— Что?

— Не винты...

Пауза.

— Лёд...

Но это был не скрежет.

Не треск.

Это был звук, который нельзя было сразу понять.

Словно лёд не просто двигался.

Словно он **отвечал**.

Миноносец вдруг сбросил ход.

Резко.

Не по команде.

На поверхности это было видно: он словно упёрся во что-то.

Командир чуть повернул перископ.

— Он тоже почувствовал.

— Что? — спросил штурман.

Командир тихо сказал:

— То же, что и мы.

— Пуск? — спросил механик.

Командир молчал.

Смотрел.

Ждал.

И вдруг сказал:

— Не сейчас.

— Почему?

Он не ответил.

В этот момент миноносец дал ход назад.

Пытаясь выйти.

Но не успел.

Лёд впереди дрогнул.

Не обвалился.

Не треснул.

Просто сместился.

И закрыл проход.

Гидрофонист резко:

— Есть контакт с корпусом!

— У кого?!

— У него!

— Он встал!

Командир смотрел.
Миноносец пытался развернуться.
Но пространство уже было другим.
Уже не таким, каким он вошёл.

Старый боцман тихо сказал:
— Поздно...

И в этот момент раздался звук.
Глухой.
Тяжёлый.
Но не взрыв.
Скорее — как если бы металл не выдержал.

Гидрофонист закрыл глаза.
— Всё.
— Что «всё»? — спросил радист.
— Его больше нет.

Командир ещё несколько секунд смотрел в перископ.
Потом медленно опустил его.

— Уходим.

— Есть.

— Курс назад.

Штурман тихо спросил:

— Мы не стреляли...

Командир ответил:

— Не пришлось.

Лодка медленно развернулась.

И пошла обратно.

Старый боцман смотрел на глубиномер.

Стрелка была спокойна.

Он тихо сказал:

— Теперь понял.

— Что? — спросил механик.

Боцман ответил:

— Это не мы здесь ходим.

Пауза.

— Это нас сюда пускают.

Никто не возразил.

Лодка вышла из прохода.

И сразу вернулся звук.

Вода.

Лёд.

Глубина.

Мир снова стал обычным.

Почти.

Командир стоял у карты.

И впервые не делал отметку.

Потому что отметить это было негде.

Лодка шла дальше.

А позади оставалось место, которого не было ни на одной карте.

И в котором море, возможно, не всегда принадлежало людям.

Глава 7

Тот, кто видел

Море к утру успокоилось.

Лёд разошёлся, как будто ничего и не было. Ветер стих, и поверхность стала почти ровной — редкое спокойствие для этих широт.

Британский эсминец держал курс, медленно обходя конвой.

Капитан Милтон стоял на мостике.

Он не спал уже почти сутки.

— Сектор чист, сэр, — доложил офицер.

Милтон не ответил сразу.

Он смотрел на воду.

Туда, где ночью был бой.

Где что-то произошло.

И что никто толком не понял.

— Мы потеряли кого-нибудь? — спросил он.

— Один транспорт повреждён. Остальные целы.

— Немцы?

— Один точно уничтожен. Возможно, два.

Милтон кивнул.

— «Возможно»?

— Слишком много совпадений, сэр.

Капитан медленно повернулся.

— Каких совпадений?

Офицер замялся.

— Удар по подлодке... слишком точный. И по миноносцу тоже. Наши не могли дать такой угол.

Милтон молчал.

Он это уже слышал.

И сам думал о том же.

— Вы хотите сказать, что там был кто-то ещё?

Офицер пожал плечами.

— Не знаю, сэр.

Пауза.

— Но под нами что-то было.

Милтон снова посмотрел на воду.

Серая.

Спокойная.

Пустая.

Но он слишком долго служил на море, чтобы верить в пустоту.

— Гидрофоны что-то фиксировали?

— Да, сэр.

— И?

— Контакт.

— Чей?

— Не удалось определить.

Милтон прищурился.

— Почему?

— Он... исчез.

— Как это — исчез?

— Просто пропал.

Капитан долго молчал.

Потом тихо сказал:

— Запишите в журнал.

— Что именно?

Милтон подумал.

— «Неопознанная подводная цель. Контакт потерян».

Офицер кивнул.

Но не ушёл.

— Сэр...

— Да?

— Люди говорят...

— Что?

Офицер понизил голос:

— Что это было не наше.

Милтон посмотрел на него спокойно.

— И не немецкое?

— Похоже, нет.

Пауза.

— Тогда чьё?

Офицер не ответил.

Милтон снова повернулся к морю.

— Мы идём дальше, — сказал он. — Конвой ведём по курсу.

— Есть, сэр.

Но когда офицер ушёл, Милтон тихо добавил:

— Если оно было под нами...

Он не договорил.

В это же время, в нескольких десятках миль к югу, на поверхности медленно дрейфовал человек.

Он держался за обломок.

Руки уже не слушались.

Лицо было обожжено холодом.

Но он был жив.

Пока.

Немец.

Лейтенант Карл Вебер.

Он не помнил, как оказался в воде.

Последнее, что он видел — был лёд.

Слишком близко.
Слишком ровный.
Потом — удар.
Не взрыв.
Что-то другое.
Будто корпус корабля сжало.
Он закрыл глаза.
Открыл.
Серое небо.
Вода.
Холод.
И тишина.

Он попытался повернуться.
И замер.
В воде, под ним, было что-то.
Не сразу понятно.
Не форма.
Не тень.
Глубже.
Темнее.
Словно сама вода там была другой.
Он смотрел.
Долго.
И вдруг понял:

это не вода.

Это корпус.

Под ним, в глубине, шла лодка.

Медленно.

Без шума.

Без следа.

Вебер не закричал.

Не было сил.

Он только смотрел.

И в какой-то момент ему показалось, что лодка **тоже**
смотрит на него.

Не глазами.

Чем-то другим.

Потом она ушла.

Просто исчезла в глубине.

Без всплеска.

Без следа.

Вебер остался один.

С обломком.

С холодом.

И с тем, что он увидел.

Через час его подняли.

Британцы.

Он уже почти не чувствовал тела.

Но был в сознании.

Его затащили на палубу, укутали.

Кто-то что-то говорил.

Он не слышал.

— Немец, сэр, — сказал офицер.

Милтон подошёл.

Посмотрел на него.

— Может говорить?

— Вряд ли.

Но Вебер открыл глаза.

С трудом.

И посмотрел прямо на капитана.

— Was... war das... — прошептал он.

Милтон наклонился.

— Что?

Вебер попытался сказать снова.

— Unter uns...

Он закашлялся.

Кровь.

Холод.

Слова путались.

Милтон тихо сказал:

— Переведите.

Офицер прислушался.

— Он говорит... «под нами».

Пауза.

— «Что-то было под нами».

Милтон выпрямился.

Медленно.

Очень медленно.

— Спросите его, — сказал он. — Что именно.

Офицер задал вопрос.

Вебер закрыл глаза.

Потом открыл.

И прошептал:

— Es... hat uns gesehen...

— Что он сказал?

Офицер побледнел.

— «Оно... нас видело».

На мостике стало тихо.

Милтон посмотрел на море.

Снова.

И теперь уже не как на пустоту.

— Отправьте его в медотсек, — сказал он.

— Есть.

Когда немца унесли, офицер тихо спросил:

— Сэр... вы верите ему?

Милтон ответил не сразу.

Он смотрел на воду.

Туда, где ночью было то, чего не должно было быть.

— На море, — сказал он наконец, — иногда лучше верить

тому, чего не понимаешь.

Пауза.

— Потому что это, по крайней мере, честно.

Он отвернулся.

— Держать курс.

— Есть.

Эсминец шёл вперёд.

Конвой шёл за ним.

Война продолжалась.

Но теперь в ней появилось ещё что-то.

То, о чём не писали в донесениях.

И что нельзя было обозначить ни флагом, ни названием.

А далеко в глубине, там, где не было ни карт, ни маршрутов, шла лодка.

Без имени.

Без номера.

И уже не совсем одна.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.